

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Экономическая безопасность

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Елена Васильевна ПЕЧЕРИЦА ^{a,*},
Ольга Сергеевна НАДЕЖИНА ^b,
Светлана Ивановна ГОЛОВКИНА ^c

^a кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической безопасности,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
helene8@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1963-4471>
SPIN-код: 5083-4093

^b кандидат экономических наук, доцент Высшей инженерно-экономической школы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
nadezhina_os@spbstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7960-3546>
SPIN-код: 9411-6358

^c кандидат экономических наук, доцент Высшей школы сервиса и торговли,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
golovkina_si@spbstu.ru
ODCID: отсутствует
SPIN-код: 6169-0210

* Ответственный автор

История статьи:

Рег. № 276/2021
Получена 10.05.2021
Получена в
доработанном виде
28.07.2021
Одобрена 29.10.2021
Доступна онлайн
14.12.2021

УДК 330.101
JEL: H26, H27

Ключевые слова:

теневая экономика,
экономические
отношения,
экономические
системы

Аннотация

Предмет. Формы теневой экономики.

Цели. Выявить концептуальные различия между подходами к определению теневой экономики.

Методология. Используются методы логического, сравнительного и контент-анализа.

Результаты. Установлено, что под понятие теневой экономики подпадает как нелегальная деятельность, которая противоречит духу и букве закона, так и легальная, в рамках которой используются нелегальные инструменты и методы в целях максимизации прибыли или минимизации затрат.

Выводы. Развитие теневой экономики обусловлено социальными, правовыми и экономическими факторами. В зависимости от формы теневой экономики можно сделать определенные выводы о том, возвращаются денежные средства в сектор легальной экономики или нет. Для того чтобы определить сущность теневой экономики, требуется комплексный подход.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Печерица Е.В., Надежина О.С., Головкина С.И. Теоретические подходы к определению теневой экономики // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 12. – С. 2325 – 2344.
<https://doi.org/10.24891/re.19.12.2325>

С точки зрения юриспруденции, основополагающим подходом является правовой. В рамках социологии анализируются общество и причины социально-культурного характера, обуславливающие возникновение теневой экономики. С точки зрения политологии, теневая экономика детерминирована политической жизнью общества. В области же экономических дисциплин нельзя точно определить, какие подходы являются основополагающими, так как теневая экономика служит предметом исследования для экономической теории, институциональной экономики и прикладных наук. В прикладных науках возникает больше всего вопросов относительно того, что понимать под теневой экономикой, так как измерить это явление представляется крайне сложным.

Американский исследовательский институт Global Financial Integrity (GFI) в 2013 г. заявил о том, что в период 1994–2011 гг. отток незаконных средств из России в виде взяток, скрытых налогов, средств, заработанных на торговле оружием и людьми, составил 211,5 млрд долл. США, а приток незаконных средств в Россию за тот же период находился на уровне 552,9 млрд долл. США¹. Объективность такого рода информации вызывает много вопросов хотя бы потому, что по данным того же американского исследовательского института среднегодовая сумма незаконного оттока средств из России составляет 104,97 млрд долл. США в год, а лидером по незаконному оттоку средств является Китай (139,23 млрд долл. США в год). Россия находится на втором месте, и такое положение действительно выглядит странным, если учитывать, что ВВП Китая в 2013 г. в шесть раз превосходил ВВП России².

Причина таких несоответствий – это методологические подходы GFI к объекту исследования. В понимании GFI Китай – это только материковая часть страны без Гонконга, причем Китай относится к развивающимся странам, а Гонконг – к развитым³. Во-первых, с точки зрения самого Китая такая методология недопустима, так как Гонконг – это специальный административный район страны, и его развитие происходит по курсу

¹ Теневую экономику РФ оценили в 46% ВВП ежегодно.

URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/02/2013/570403769a7947fcbd445aa3>

² Нелегальный вывод капитала из России в 2004–2013 годах превысил \$1 трлн.

URL: <https://www.interfax.ru/business/484254>

³ Kar D., Spanjers J. Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2004–2013.

URL: https://financialtransparency.org/wp-content/uploads/2015/12/IFF-Update_2015-Final.pdf

«Одна страна, две системы». Во-вторых, банковская система материкового Китая консервативна и недостаточно имплементирована в мировую финансовую систему, тогда как финансовые институты Гонконга развиты на уровне американских и европейских структур. Именно через финансовый сектор происходит «отмывание» денежных средств, что представляет собой один из аспектов теневой экономики. Рассматривая Китай без Гонконга, GFI фактически скрывает большую часть теневой экономики, что в результате приводит к столь небольшому расхождению по незаконному оттоку денежных средств между Россией и Китаем, поэтому вопросы, связанные с точным определением теневой экономики, ее структурой и причинами возникновения, являются наиболее важными для науки.

Категория теневой экономики является предметом исследования нескольких наук. Каждая из наук использует свой специальный инструментарий и разрабатывает методы исследования теневой экономики. В зависимости от того, какой подход используется для понимания теневой экономики как специфического сегмента экономических отношений, существующих в обществе, разрабатываются методы борьбы с этим явлением и анализируются причины его возникновения. Основные подходы к определению теневой экономики перечислены на *рис. 1*.

При теоретическом подходе, который характерен в основном для российских исследователей, теневая экономика определяется как категория, отражающая сложную систему экономических отношений. При определении теневой экономики российскими исследователями за основу берется в первую очередь признак неподконтрольности. Экономические процессы, ход которых невозможно контролировать, относятся к теневым. Определение теневой экономики на основе теоретического подхода содержится в большинстве экономических словарей, то есть теневая экономика подразумевает скрытые экономические процессы, которые не контролируются со стороны государства и общества, не включаются в официальную статистику, и, что самое важное, участники теневой экономики скрывают свою деятельность⁴.

Операциональный подход к определению теневой экономики наиболее свойственен зарубежным исследователям [1]. Сущность данного подхода заключается в определении теневой экономики через действия по ее измерению. Операциональный подход носит прикладной характер и необходим при решении учетно-статистических задач и разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства.

⁴ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2011. 394 с.

Немецкий исследователь F. Schneider⁵ понимает под теневой экономикой всю деятельность, результаты которой не учитываются в официальной статистике по ВВП. Американский ученый P. Smith⁶ определяет теневую экономику как производство законным или незаконным образом товаров и услуг, которое выходит за пределы официального подсчета ВВП. В определении, которое дает P. Smith, существует противоречие с правовым подходом к понятию теневой экономики, сторонник которого А.А. Лыков [2] к основному критерию причастности к сфере теневой экономики относит именно противоправный характер данной деятельности.

Правовой подход популярен среди правоведов, политологов и социологов, но абсолютно не учитывает экономическую сущность теневой экономики, и именно односторонность и ограниченность являются главными недостатками правового подхода. Операциональный подход называется также учетно-статистическим. Российские сторонники этого подхода (А.С. Меньшиков [3], В.В. Уханов [4] и др.) считают основным критерием учета деятельности как теневой наличие сведений о ее результатах в органах государственной статистики (Росстат⁷ и Росфинмониторинг⁸).

Криминологический подход [5, 6] близок к правовому, но в его рамках исследуются не события и явления, которые уже произошли, а причины (в основном правовые), способствующие возникновению теневой экономики. Криминологический подход отличается от правового, так как сторонники правового подхода относят теневую экономику к противоправному явлению, а сторонники криминологического подхода к противоправным явлениям относят противоправные виды деятельности (кражу, торговлю наркотиками, скупку краденного, вымогательство).

Авторы И.А. Никитина⁹, И.В. Логвинова и С.О. Гетманова [7] выделяют еще один подход к определению теневой экономики – экономический. С точки зрения экономического подхода, теневая экономика исследуется как явление на трех уровнях – глобальном, макроэкономическом и

⁵ Schneider F. The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (not) Know? *IZA Discussion Papers*, 2012, no. 6423. URL: <http://hdl.handle.net/10419/58986>

⁶ Smith P. Assessing the Size of the Underground Economy: The Statistics Canada Perspectives. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/13-604-m/13-604-m1994028-eng.pdf?st=ZqFPhwzu>

⁷ Теневая экономика по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika/>

⁸ Anti-money Laundering and Counter-terrorist Financing Measures. Russian Federation. Mutual Evaluation Report. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/Mutual-Evaluation-Russian-Federation-2019.pdf>

⁹ Никитина И.А. Теневая экономика: понятие и структура // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 1. С. 120–126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-ponyatie-i-struktura/viewer>

микроэкономическом. Уровень глобальной экономики – это международные теневые отношения, включающие международную торговлю оружием, людьми, наркотиками, «отмывание» денег через кредитные учреждения, находящиеся в разных странах. На макроуровне оценивается влияние теневой деятельности на макроэкономические показатели (потребление, сбережение, валовый внутренний продукт, экономический рост и др.). На микроуровне исследуется экономическое поведение субъектов теневой и легальной экономики, выявляются причины, заставляющие субъектов легальной экономики уходить в тень.

Прогнозы на микроуровне более точные. Например, бизнес-омбудсмен Б. Титов заявлял, что повышение страховых взносов для предпринимателей обернется тем, что они не будут платить эти взносы и перейдут в сегмент теневой экономики, то есть необходимо менять отношение к бизнес-сообществу. Например, в 2013 г. после увеличения страховых взносов с рынка ушли 500 тыс. индивидуальных предпринимателей, а когда по проблеме страховых взносов было найдено решение, вернулись на рынок всего 50 тыс. предпринимателей. Но это не значит, что 450 тыс. предпринимателей разорились: большинство из них перешло в теневой сектор экономики¹⁰.

Существует также институциональный уровень анализа¹¹ [8], на котором теневая экономика определяется как система формальных и неформальных правил поведения. В рамках институционального подхода изучаются социально-экономические институты теневой экономики.

В плане определения объекта исследования к институциональному подходу близок кибернетический, но методы исследования в рамках этих подходов разные [9]. Кибернетический подход рассматривает теневую экономику в качестве саморегулируемой и самоуправляемой системы, для которой существуют закономерности развития и правила взаимодействия с легальной экономикой. Метод исследования теневой экономики в кибернетическом подходе – это экономико-математическое моделирование и прогнозирование. Экономико-математические методы имеют дело с вероятностными величинами, что особенно значимо при исследовании явлений, измерить которые крайне сложно [10–12]. К приверженцам данного подхода можно отнести авторов работ [13, 14].

¹⁰ Бизнес-омбудсмен опасается ухода предпринимателей в тень после повышения страховых взносов. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/70855/>

¹¹ Ахмадулина Ю.Я., Тихонов А.В. Анализ теневой экономики: Институциональный подход. В кн.: Вопросы экономики и управления. Материалы II Международной студенческой научно-практической конференции. Р-н/Д: Донской государственный технический университет, 2016. С. 12–16.

Комплексный (интегративный) подход к определению понятия теневой экономики включает в себя различные стороны других подходов (правового, учетно-статистического, экономического и др.), определяет группы критериев, которые подходят к исследованию теневой экономики в отдельной отрасли, в глобальном масштабе или на макроуровне. Основными критериями при использовании комплексного подхода выступают: субъекты, цели и мотивы теневой деятельности, степень ответственности государства за рост теневого сектора, характер отношения общества к теневому сектору и др.

Цель любого субъекта как в легальной, так и в теневой экономике – это получение экономической выгоды, но механизмы достижения этой цели различные. Комплексный подход широко используется за пределами России, когда теневая экономика включает в себя легальное и нелегальное производство товаров и услуг, имеющее целью уклонение от уплаты налогов, взносов в фонды социального страхования, несоблюдение нормативов по минимальной заработной плате, максимальной продолжительности рабочего дня, несоблюдение норм безопасности, искажение данных для официальной статистической отчетности либо уклонение от внесения данных в эту отчетность. К перечисленному можно добавить незаконное использование труда мигрантов, причем эта проблема актуальна как для России, так и для США. Данный подход в настоящее время наиболее популярен^{12, 13} [15–21].

По мнению авторов данного исследования, определение теневой экономики в рамках комплексного подхода является наиболее конкретным и полным. Под понятие теневой экономики попадает как нелегальная (криминальная) деятельность, которая противоречит духу и букве закона (торговля людьми, наркотиками, оружием), так и легальная, в рамках которой используются нелегальные инструменты и методы в целях максимизации прибыли или минимизации затрат.

В соответствии с распределением на нелегальный (криминальный) и неформальный (некриминальный) сектор экономики можно обнаружить между ними взаимосвязь, которая проходит через скрытую и фиктивную экономику. Один из вариантов структуры теневой экономики представлен на *рис. 2*. Таким образом, в зависимости от формы теневой экономики

¹² Журавлева Т.А., Носовец А.А. Роль теневой экономики в условиях проявления цикличности в российской экономике. В кн.: Новая экономика: институты, инструменты, тренды. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2019. С. 119–122.

¹³ Туснякова А.К. Теневая экономика на современном этапе развития российской экономики // Альманах мировой науки. 2016. № 10-2. С. 126–127.

можно сделать определенные выводы о том, возвращаются денежные средства в сектор легальной экономики или нет.

Роль теневой экономики не всегда отрицательна. Например, швейцарский экономист Д. Кассел [22] полагает, что в России на этапе реформ (1991–1994 гг.) теневая экономика сыграла больше положительную, нежели отрицательную роль. Во-первых, она позволила сгладить перепады в экономическом развитии России за счет механизма перераспределения между официальной и теневой экономикой. Во-вторых, теневая экономика в кризисных ситуациях играет роль «социального амортизатора», который смягчает противоречия между богатыми и бедными. В-третьих, при эффективном государственном механизме ресурсы теневой экономики перейдут в «официальную плоскость»¹⁴.

В бывших советских республиках – Таджикистане и Узбекистане – уровень теневой экономики гораздо выше, чем в России, однако ее возникновение и развитие обусловлены естественным желанием населения выжить в сложных условиях кризиса, а не деструктивным поведением. Китай фактически смирился с существованием теневого сектора экономики в области торговли и ресторанного бизнеса. Сетевой ритейл в материковом Китае развивается крайне медленно, и для того, чтобы Wal-Mart смог открыть магазин в Пекине или Шанхае, необходимы годы согласований, а Macdonald's платит за аренду в тех районах Пекина, где только началась застройка и линия метро только планируется. Как только район будет заселен, в первую очередь откроются кафе, которыми владеют китайские резиденты.

Тем не менее в Китае понимают, что иностранный капитал или капитал крупных китайских компаний способен за несколько лет увеличить количество сетевых розничных центров и ресторанов (как, например, сделали крупные торговые сети в Москве), полностью вытеснив с рынка небольшие лавки и магазины, работающие в сегменте теневой экономики. Но такая ситуация чревата социальным взрывом, особенно если учесть, что в Китае система социальной помощи только начинает формироваться. Если люди из теневого сектора экономики пополняют ряды безработных и бездомных, то достижение «критической массы» приведет к народным волнениям. По этой причине авторы считают неверным говорить о деструктивных потребностях человека в свете антропологических причин возникновения теневой экономики.

¹⁴ Мацневский Н.С. Теневая экономика: анализ и оценки // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 22–29.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-analiz-i-otsenki/viewer>

Экономические причины заключаются в неспособности экономической системы обеспечить эффективное использование производственных сил и обеспечить эффективный уровень производственных отношений для поддержания достойного уровня жизни населения страны. В этом плане интересно исследование теневой экономики, которое провел американский ученый, лауреат Нобелевской премии Д. Бьюкенен [23]. Он отметил неэффективность монополии в производстве товаров народного потребления, так как она сокращает предложение. Более того, Д. Бьюкенен обращал внимание именно на обычные товары и услуги, и его точка зрения не противоречит теории другого американского экономиста Й. Шумпетера [24]. Согласно этой теории, эффективная монополия возникает в отраслях, где необходимы колоссальные объемы инвестиций, имеющих неопределенный срок окупаемости, но крайне важных для общества, в частности для таких отраслей, как электроэнергетика, мостостроение, авиакосмическая промышленность. Осуществлять инвестирование в таких объемах способны только государственные структуры.

В условиях кризиса роль социальных факторов роста теневой экономики только возрастает. В отдельных регионах России (например, в Республике Дагестан) сложности с трудоустройством вовлекают население в процессы трудовой миграции, которая может заканчиваться в теневом секторе экономики. В то же время в соседней Чеченской Республике инвестиции в развитие производства приводят к тому, что население увеличивается не только за счет родившихся, но и за счет вернувшихся для того, чтобы развивать в республике бизнес.

Таким образом, стимулирование сферы развития малого бизнеса (как это происходит в Чеченской Республике) и создание приоритетных условий для работы местных предпринимателей (как это происходит в Татарстане и Башкортостане, где существуют лимиты на продовольственную продукцию из других субъектов Российской Федерации в магазинах и торговых сетях) позволяют снизить не только уровень социальной напряженности, но и уровень теневой экономики.

Огромное количество пробелов в праве, появившееся сразу после распада СССР, способствовало мгновенному обогащению одной части населения и разорению другой. Незаконный вывоз капитала из России также связан с правовыми проблемами, отсутствием у предпринимателей стимула к развитию своих предприятий в России, стремления работать в тех странах, где судебная система будет защищать их интересы.

Культурные причины возникновения теневой экономики раскрыты перуанским экономистом Э. де Сото¹⁵ и шведским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Г. Мюрдалем [25]. Э. де Сото развил теорию разности культур сельского и городского населения, причем в отличие от своих коллег, которые рассматривали сельских мигрантов как отсталую часть населения, неспособную устроиться в легальном секторе экономики, Э. де Сото увидел в бюрократизированности легального сектора экономики, где работают городские жители, не предмет для гордости, а барьеры, которые мешают развитию легального сектора и делают его недоступным для сельского населения.

Исследователи всегда считали, что легальный сектор экономики – это носитель современной экономической культуры, а теневой сектор – это пережиток традиционной системы хозяйствования. Э. де Сото обосновал, что уход в тень – это закономерный результат издержек легализации, которые намного выше, чем если вести бизнес в теневом секторе.

В этом ключе можно вспомнить историю российской компании «Эльдорадо», которая существовала до 2008 г. как крупная сеть «компаний-однодневок». Оборот этой компании в 2007 г. составлял 6 млрд долл. США, а низкие цены были результатом применения различных налоговых схем. Компания привлекла специалистов со всего мира для того, чтобы выйти из тени, и всерьез готовилась к первичному публичному предложению на Лондонской бирже по примеру М-Видео.

Выход из тени закончился для компании плачевно: в марте 2008 г. налоговая инспекция предъявила ей претензии за невыплату налогов на 15 млрд руб., налоговые споры привели к остановкам в деятельности компании, закрытию магазинов, судебным спорам с поставщиками. В результате за два года налоговых споров компания «Эльдорадо» утратила не только позиции на рынке, но и перешла за минимальную цену под контроль чешского фонда PPF¹⁶.

Исследователь экономики восточных стран Г. Мюрдаль, напротив, доказывает точку зрения, что теневая экономика – это культура бедных обществ. Ту же мысль развивал английский антрополог Дж. Скотт, утверждавший, что если крестьянское хозяйство балансирует на грани

¹⁵ *Де Сото Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире.

URL: http://www.vixri.ru/d/Ernando%20de%20Soto%20_INOJ%20PUT'%20Nevidimaja%20revoljucija%20v%20t.pdf

¹⁶ Перед PPF лежит «Эльдорадо». URL: <https://www.gazeta.ru/business/2009/04/28/2980408.shtml>

голода, то стремление максимизировать доход вытесняется желанием минимизировать риск [26].

По мнению авторов исследования, использовать концепции Г. Мюрдаля и Дж. Скотта для обоснования культурных причин развития теневого сектора экономики в России нельзя, потому что Г. Мюрдаль и Дж. Скотт исследовали теневой сектор экономики только на уровне крестьянства в восточных странах, причем в 1970-е гг., и сделали вывод, что существует «национальная культура бедности, цементируемая религией», которая мешает развитию легальной экономики. На самом деле в условиях современной глобализированной экономики не может быть речи об особой национальной культуре бедности.

Таким образом, подводя итог исследованию подходов к определению теневой экономики и причин ее возникновения, можно заключить, что к основным причинам возникновения теневой экономики можно отнести социальные, правовые и экономические, а для того, чтобы определить ее сущность, требуется комплексный подход. Универсальная дефиниция теневой экономики не сформулирована ни в России, ни за рубежом. Различия в подходах к определению теневой экономики проходят на уровне поставленных авторами теоретических и прикладных задач. Исследование феномена теневой экономики проводится в рамках правоведения, экономики, социологии, политологии и других наук, и это служит объяснением разницы в подходах к определению теневой экономики.

Рисунок 1

Основные подходы к определению теневой экономики

Figure 1

The basic approaches to defining the shadow economy

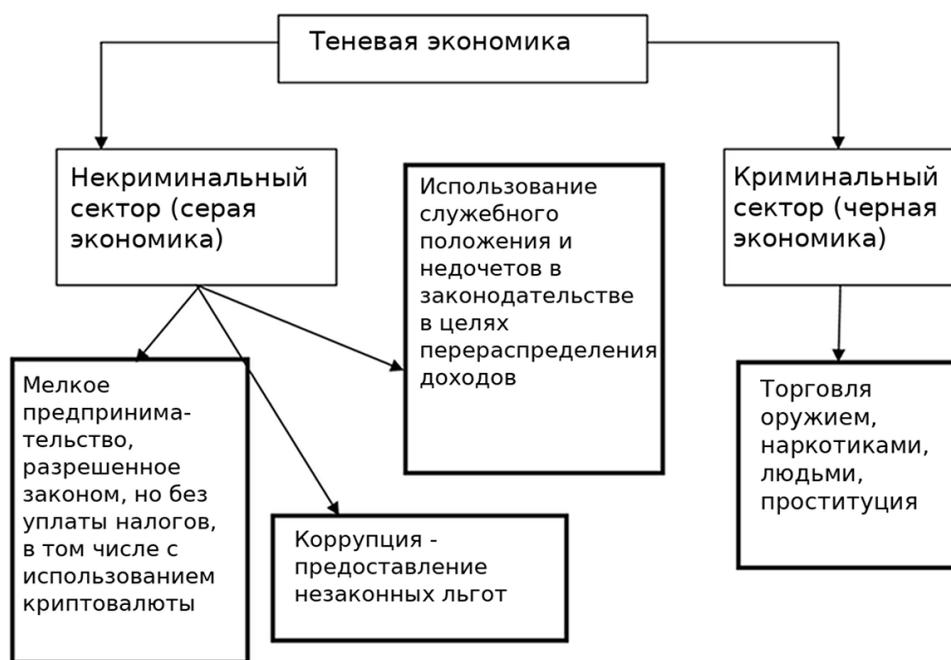

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 2
Структура теневой экономики

Figure 2
The shadow economy structure

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Yap W.W., Sarmidi T., Shaari A.H., Said F.F. Income Inequality and Shadow Economy: A Nonparametric and Semiparametric Analysis. *Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 45, no. 1, pp. 2–13. URL: <https://doi.org/10.1108/JES-07-2016-0137>
2. Лыков А.А. Юридическая природа теневой экономики и направления противодействия ей // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 191–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-tenevoy-ekonomiki-i-napravleniya-protivodeystviya-ey/viewer>
3. Меньшиков А.С. Методы оценки количественной составляющей теневой экономики Российской Федерации // Теневая экономика. 2020. Т. 4. № 3. С. 111–126. URL: <https://doi.org/10.18334/tek.4.3.110873>

4. Уханов В.В. Подходы к определению понятия и сущности теневой экономики и анализу ее масштабов // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 22. С. 3405–3418.
URL: <https://doi.org/10.18334/rp.18.22.38452>
5. Буров В.Ю. Теневая экономическая деятельность субъектов предпринимательства как фактор развития экономической преступности // Теневая экономика. 2019. Т. 3. № 2. С. 87–96.
URL: <https://doi.org/10.18334/tek.3.2.40096>
6. Williams C.C., Horodnic I.A. Beyond the Marginalization Thesis: Evaluating the Participation of the Formally Employed in the Shadow Economy in the European Union. *Journal of Economic Studies*, 2016, vol. 43, no. 3, pp. 400–417. URL: <https://doi.org/10.1108/JES-06-2014-0105>
7. Логвинова И.В., Гетманова С.О. Теневая экономика и ее влияние на экономическую безопасность // Актуальные исследования. 2020. № 2. С. 40–44. URL: <https://apni.ru/article/291-tenevaya-ekonomika-i-ee-vliyanie>
8. Стратулат В.Г. Потенциал институционального анализа и регулирования теневой экономики // Российское предпринимательство. 2010. Т. 11. № 7. С. 14–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-institutsionalnogo-analiza-i-regulirovaniya-tenevoy-ekonomiki/viewer>
9. Алферьев Д.А., Родионов Д.Г. Моделирование сценариев динамики индикаторов развития IT-отрасли посредством элементарных математических функций // Экономика. Информатика. 2020. Т. 47. № 4. С. 729–746. URL: <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-4-729-746>
10. Схведиани А.Е. Основные предпосылки классической линейной регрессии и последствия их нарушений // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 38–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-predposylki-klassicheskoy-lineynoy-regressii-i-posledstviya-ih-narusheniy/viewer>
11. Родионов Д.Г., Ялымов С.В., Конников Е.А. Модель институциональной среды субъектов малого и среднего предпринимательства // Экономические науки. 2020. № 190. С. 138–146.
URL: <https://doi.org/10.14451/1.190.138>
12. Дмитриев Н.Д., Родионов Д.Г., Кубарский А.В. Формирование эконометрического инструментария для оценки инвестиционной

- привлекательности региона // Kant. 2020. № 4. С. 70–77.
URL: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-37.15>
13. Serrano-Cinca C., Cuéllar-Fernández B., Fuertes-Callén Y. Firm and Country Characteristics Related to Cumulative Contribution to Society. *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 184–219. URL: <https://doi.org/10.1108/SAMPJ-07-2019-0260>
14. Chen M., Zhang S. Measuring the Regional Non-observed Economy in China with Nighttime Lights. *International Journal of Emerging Markets*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 837–864.
URL: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-12-2019-1048>
15. Криворотов В.В., Калина А.В., Подберезная М.А. Оценка масштабов распространения теневой экономики на региональном уровне // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 18. № 4. С. 540–555.
URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/79545/1/vestnik_2019_4_007.pdf
16. Ломсадзе Д.Г. Концептуальные проблемы методологии научных подходов в исследованиях феномена теневой экономики // Теневая экономика. 2020. Т. 4. № 1. С. 11–22.
URL: <https://doi.org/10.18334/tek.4.1.100606>
17. Vousinas G.L. Shadow Economy and Tax Evasion: The Achilles Heel of Greek Economy. Determinants, Effects and Policy Proposals. *Journal of Money Laundering Control*, 2017, vol. 20, no. 4, pp. 386–404.
URL: <https://doi.org/10.1108/JMLC-11-2016-0047>
18. Mróz B. Shadow Economy in a Turbulent Environment: Evidence from Poland. *Journal of Money Laundering Control*, 2018, vol. 21, no. 3, pp. 328–339. URL: <https://doi.org/10.1108/JMLC-08-2017-0034>
19. Hendriyetty N., Grewal B.S. Macroeconomics of Money Laundering: Effects and Measurements. *Journal of Financial Crime*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 65–81. URL: <https://doi.org/10.1108/JFC-01-2016-0004>
20. Dobovšek B., Slak B. Economic Crisis and "White Informal Economy" – A Slippery Slope. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2017, vol. 37, no. 7/8, pp. 468–476.
URL: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-06-2016-0078>
21. Srivastava H.S., Singh G., Mishra A. Factors Affecting Consumers' Participation in Consumption Tax Evasion. *Journal of Indian Business*

Research, 2018, vol. 10, no. 3, pp. 274–290.

URL: <https://doi.org/10.1108/IBR-10-2017-0191>

22. *Cassel D.* The Growing Shadow Economy: Implications for Stabilization Policy. *Intereconomics*, 1984, vol. 19, iss. 5, pp. 219–225.

URL: <https://doi.org/10.1007/BF02928341>

23. *Buchanan J.M.* The Collected Works of James M. Buchanan. Vol. 3. The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy. Indianapolis, Liberty Fund, 1999, 361 p.

24. *Schumpeter J.* On the Concept of Social Value. *The Quarterly Journal of Economics*, 1909, vol. 23, iss. 2, pp. 213–232.

URL: <https://doi.org/10.2307/1882798>

25. *Barber W.J.* Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations (1968). In: Gunnar Myrdal. Great Thinkers in Economics Series. London, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 121–152.

URL: https://doi.org/10.1057/9780230289017_9

26. *Scott J.C.* The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, Yale University Press, 1976, 246 p.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Economic Security

THEORETICAL APPROACHES TO DEFINING THE SHADOW ECONOMY

Elena V. PECHERITSA ^{a,*},
Ol'ga S. NADEZHINA ^b,
Svetlana I. GOLOVKINA ^c

^a Saint-Petersburg State Economic University (SPbSEU)
St. Petersburg, Russian Federation
helene8@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1963-4471>

^b Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation
nadezhina_os@spbstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7960-3546>

^c Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation
golovkina_si@spbstu.ru
ODCID: not available

* Corresponding author

Article history:

Article No. 276/2021
Received 10 May 2021
Received in revised
form 28 July 2021
Accepted 29 Oct 2021
Available online
14 December 2021

JEL classification:
H26, H27

Keywords: informal
economy, economic
relations, economic
systems

Abstract

Subject. This article explores the forms of the shadow economy.

Objectives. The article aims to identify conceptual differences between approaches to defining the shadow economy notion.

Methods. For the study, we used logical, comparative, and content analyses.

Results. The article finds that the concept of the shadow economy includes both illegal activities, which contradict the spirit and letter of the law, and legal activities, through using illegal tools and methods to maximize profits or minimize costs.

Conclusions. Social, legal, and economic factors determine the development of the shadow economy. Whether money comes back to the legal economy sector or not, it depends on the form of the shadow economy. To define the essence of the shadow economy, a comprehensive approach is required.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Pecheritsa E.V., Nadezhina O.S., Golovkina S.I. Theoretical Approaches to Defining the Shadow Economy. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, iss. 12, pp. 2325–2344.
<https://doi.org/10.24891/re.19.12.2325>

References

1. Yap W.W., Sarmidi T., Shaari A.H., Said F.F. Income Inequality and Shadow Economy: A Nonparametric and Semiparametric Analysis. *Journal of Economic Studies*, 2018, vol. 45, iss. 1, pp. 2–13.
URL: <https://doi.org/10.1108/JES-07-2016-0137>
2. Lykov A.A. [Legal nature of the shadow economy and ways of fighting it]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2018, no. 2, pp. 191–195.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-tenevoy-ekonomiki-i-napravleniya-protivodeystviya-ey/viewer> (In Russ.)
3. Menshikov A.S. [Methods for assessing the quantitative component of the shadow economy in the Russian Federation]. *Tenevaya ekonomika = Shadow Economy*, 2020, vol. 4, iss. 3, pp. 111–126. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/tek.4.3.110873>
4. Ukhanov V.V. [Approaches to the definition of the concept and nature of shadow economy and analysis of its magnitude]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2017, vol. 18, iss. 22, pp. 3405–3418. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/rp.18.22.38452>
5. Burov V.Yu. [Shadow economic activity of business entities as a factor in the development of economic crime]. *Tenevaya ekonomika = Shadow Economy*, 2019, vol. 3, iss. 2, pp. 87–96. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/tek.3.2.40096>
6. Williams C.C., Horodnic I.A. Beyond the Marginalization Thesis: Evaluating the Participation of the Formally Employed in the Shadow Economy in the European Union. *Journal of Economic Studies*, 2016, vol. 43, iss. 3, pp. 400–417. URL: <https://doi.org/10.1108/JES-06-2014-0105>
7. Getmanova S.O., Logvinova I.V. [The shadow economy and its impact on economic security]. *Aktual'nye issledovaniya*, 2020, no. 2, pp. 40–44.
URL: <https://apni.ru/article/291-tenevaya-ekonomika-i-ee-vliyanie> (In Russ.)
8. Stratulat V.G. [Potential of institutional analysis and regulation of the shadow economy]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2010, vol. 11, iss. 7, pp. 14–18.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-institutsionalnogo-analiza-i-regulirovaniya-tenevoy-ekonomiki/viewer> (In Russ.)

9. Alfer'ev D.A., Rodionov D.G. [Modeling scenarios of dynamics of indicators of development of IT-industry by means of elementary mathematical functions]. *Ekonomika. Informatika = Economics. Information Technologies*, 2020, vol. 47, iss. 4, pp. 729–746. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18413/2687-0932-2020-47-4-729-746>
10. Skhvediani A.E. [Basic premises of classical linear regression and the consequences of their violations]. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*, 2020, no. 8, pp. 38–42.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-predposylki-klassicheskoy-lineynoy-regressii-i-posledstviya-ih-narusheniy/viewer> (In Russ.)
11. Rodionov D.G., Yalymov S.V., Konnikov E.A. [A model of institutional environment of small and medium-sized businesses]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2020, no. 190, pp. 138–146. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14451/1.190.138>
12. Dmitriev N.D., Rodionov D.G., Kubarskiy A.V. [Building econometric tools for assessing the investment attractiveness of the region]. *Kant*, 2020, no. 4, pp. 70–77. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-37.15>
13. Serrano-Cinca C., Cuéllar-Fernández B., Fuertes-Callén Y. Firm and Country Characteristics Related to Cumulative Contribution to Society. *Sustainability Accounting, Management and Policy Journal*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 184–219. URL: <https://doi.org/10.1108/SAMPJ-07-2019-0260>
14. Chen M., Zhang S. Measuring the Regional Non-observed Economy in China with Nighttime Lights. *International Journal of Emerging Markets*, 2021, vol. 16, iss. 4, pp. 837–864.
URL: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-12-2019-1048>
15. Krivorotov V.V., Kalina A.V., Podbereznyaya M.A. [Evaluation of the prevalence of the shadow economy at the regional level]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management*, 2019, vol. 18, iss. 4, pp. 540–555.
URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/79545/1/vestnik_2019_4_007.pdf (In Russ.)
16. Lomsadze D.G. [Conceptual problems of the scientific methodology approaches in the study of the shadow economy phenomenon]. *Tenevaya ekonomika = Shadow Economy*, 2020, vol. 4, iss. 1, pp. 11–22. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/tek.4.1.100606>

17. Vousinas G.L. Shadow Economy and Tax Evasion: The Achilles Heel of Greek Economy. Determinants, Effects and Policy Proposals. *Journal of Money Laundering Control*, 2017, vol. 20, iss. 4, pp. 386–404.
URL: <https://doi.org/10.1108/JMLC-11-2016-0047>
18. Mróz B. Shadow Economy in a Turbulent Environment: Evidence from Poland. *Journal of Money Laundering Control*, 2018, vol. 21, iss. 3, pp. 328–339. URL: <https://doi.org/10.1108/JMLC-08-2017-0034>
19. Hendriyetty N., Grewal B.S. Macroeconomics of Money Laundering: Effects and Measurements. *Journal of Financial Crime*, 2017, vol. 24, iss. 1, pp. 65–81. URL: <https://doi.org/10.1108/JFC-01-2016-0004>
20. Dobovšek B., Slak B. Economic Crisis and "White Informal Economy" – A Slippery Slope. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2017, vol. 37, iss. 7/8, pp. 468–476.
URL: <https://doi.org/10.1108/IJSSP-06-2016-0078>
21. Srivastava H.S., Singh G., Mishra A. Factors Affecting Consumers' Participation in Consumption Tax Evasion. *Journal of Indian Business Research*, 2018, vol. 10, iss. 3, pp. 274–290.
URL: <https://doi.org/10.1108/JIBR-10-2017-0191>
22. Cassel D. The Growing Shadow Economy: Implications for Stabilization Policy. *Intereconomics*, 1984, vol. 19, iss. 5, pp. 219–225.
URL: <https://doi.org/10.1007/BF02928341>
23. Buchanan J.M. The Collected Works of James M. Buchanan. Vol. 3. The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy. Indianapolis, Liberty Fund, 1999, 361 p.
24. Schumpeter J. On the Concept of Social Value. *The Quarterly Journal of Economics*, 1909, vol. 23, iss. 2, pp. 213–232.
URL: <https://doi.org/10.2307/1882798>
25. Barber W.J. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations (1968). In: Gunnar Myrdal. Great Thinkers in Economics Series. London, Palgrave Macmillan, 2008, pp. 121–152.
URL: https://doi.org/10.1057/9780230289017_9
26. Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, Yale University Press, 1976, 246 p.

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.